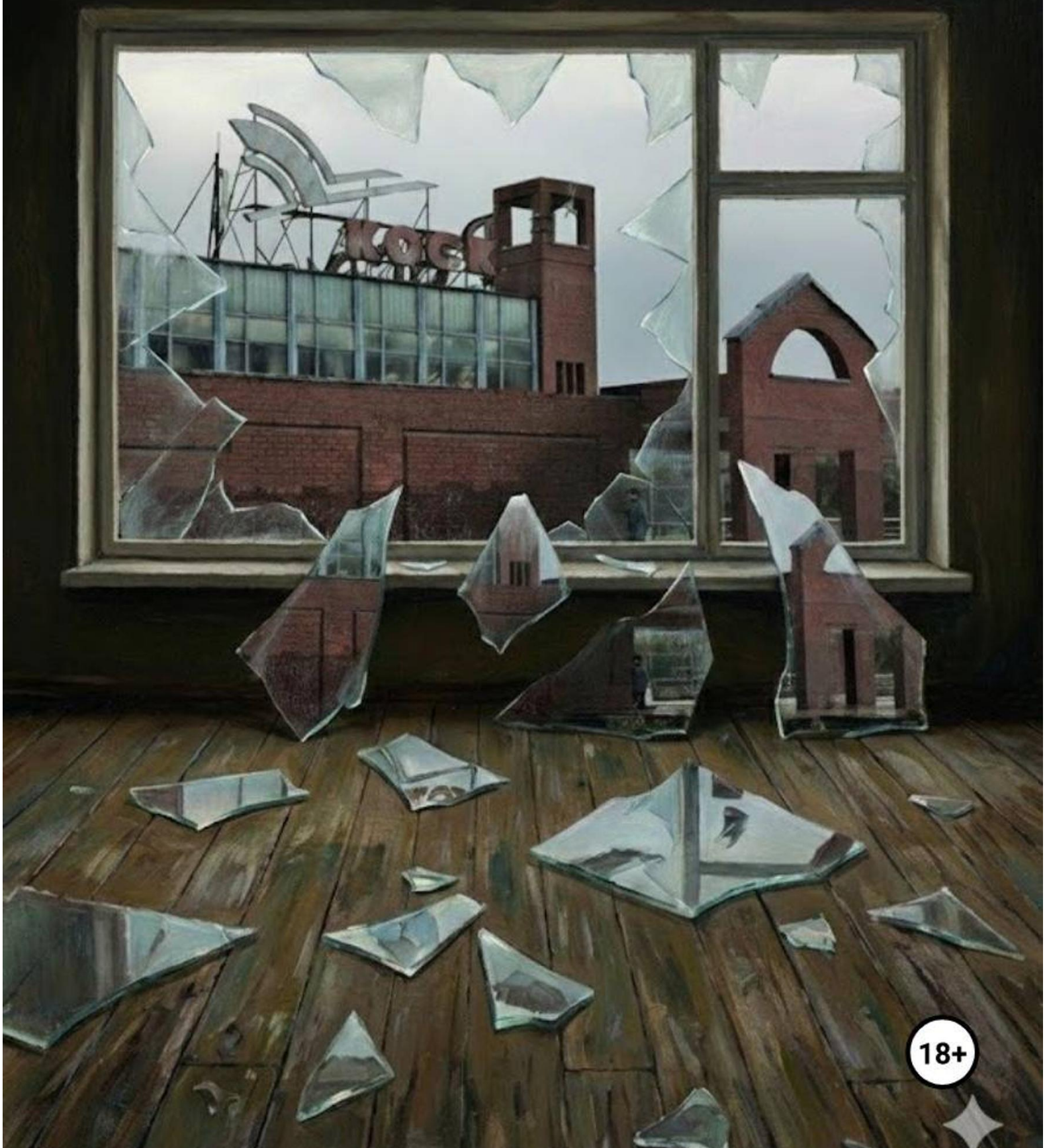
КАПИТАН БАККАРДИ

R. ONE (Г. АСТРОНОМ)



18+

R. One

Капитан Баккарди

«Автор»

2026

One R.

Капитан Баккарди / R. One — «Автор», 2026

«Капитан Баккарди» — это не книга. Это плейлист.Тридцать лет жизни, упакованные в треки.Здесь каждая история звучит по-своему. Открывающий трек — Rialto. Дальше — Depeche Mode, Крематорий, Высоцкий, Massive Attack, босса-нова Jobim. Музыка здесь не иллюстрация, а второй голос.Это история человека, который был вундеркиндом и пиратом. Программистом 1С и продавцом дисков на рынке. Мальчишкой, получившим приговор от глянцевого журнала, и мужчиной, который однажды понял, что дом — это не там, где ты родился.Перед вами — осколки 90-х и нулевых. Офисные вечеринки с мартини «Экстра Драй». Книжный рынок, где слова иногда работали лучше кулаков. Женщины, которые говорили «любовь — самый большой обман» и «откуда ты такой взялся, поэт?». Один разговор в пустом офисе. Один звонок, который изменил всё.И тишина, которую не нужно калибровать — её можно просто слушать.Уберите наушники. Включите звук. Эта дискотека всё ещё идёт.

© One R., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Осколок. Открывающий трек 5
2. Осколок приговор в гамаке 8
3. Осколок лабораторная работа 0 11
4. Осколок вызов сержанта 14
5. Осколок Марина. Урок и дуэт 17
6. Осколок цветы для начальницы 21
7. Осколок рождение пирата 24
8. Осколок урок крови 28
9. Осколок скотобойня 30
10. Осколок фундамент. Дом, который не крепость 32
11. Осколок *Астрономия 36
12. Осколок значки 39

R. One
Капитан Баккарди

1. Осколок. Открывающий трек

Этот текст устроен как плейлист: каждая история — трек.А треки складываются в одну дискотеку длиною в тридцать лет, из которой — как в одной песне — уходят изменившись .

Rialto - No One Leaves This Discotheque Alive

https://music.yandex.ru/track/136941760?utm_source=web&utm_medium=copy_link

https://vkvideo.ru/video-226813281_456239540?t=4s

Первые биты — жар, «Балтика 6», хриплый динамик на рынке.Потом — офис: лампы дневного света, вкус мартини, пятничный шум в коридоре.Она появляется в дверях, и у меня пересыхает во рту.В комнате на секунду становится тише, чем должно быть.Кто-то орёт, что в пятницу всё можно, и это звучит почти как разрешение на жизнь.

Свет моргает — как дешёвый стробоскоп: то лица, то тьма.Люди меняются быстрее, чем песни.Кто-то выходит покурить и больше не возвращается.Кто-то остаётся рядом, даже когда музыку давно выключили.

Я всё ещё на этом танцполе — между тем, что было, и тем, что теперь называется настоящим. В руке — стакан с мартини, в голове — одна и та же попытка понять, где именно я подсел на этот ритм.

Это началось на рынке? Там, где свобода пахла пивом и горячим металлом.Или в тот вечер, когда она вошла — и воздух вдруг стал строгим, как тесный воротник рубашки.Или раньше, в день, когда я впервые решил: если жизнь звучит тихо, её перекрикивают чужие голоса.

Иногда кто-то бросает: «Да это старая песня».Старая.Но пока держит бас — я здесь.И эта дискотека ещё идёт.

Только у любой тридцатилетней дискотеки есть первая песня.Моя началась не в клубе — а в садовом гамаке на даче у друзей родителей летом 1996-го.

2. Осколок приговор в гамаке

Июль 1996

Крематорий - Безобразная эльза

https://music.yandex.ru/track/49235722?utm_source=web&utm_medium=copy_link

https://rutube.ru/video/3b707ca4cf40797114c75eb5c8075016/?r=wd

Жара стояла такая, что воздух над раскалённой жестью крыш струился, как жидкое стекло. Где-то жужжали осы, и этот звук вдавливал меня в гамак глубже. В руке — липкая от конденсата бутылка «Балтики 6», тёмный портер, который я тогда считал верхом утончённости. В другой — глянцевый журнал *Cosmopolitan*, яркий, как витрина чужой, не моей жизни.

Я гостил на даче друзей родителей, предоставленный сам себе. Только я, велосипед и продуктовый магазин, до которого надо было доехать. Гамак и подшивка старых журналов. Такой отпуск: делать решительно нечего. Я ездил за парой бутылок пива и читал.

Мне было двадцать. Опыта — ноль: ни работы, ни отношений. И тут взгляд упал на абзац, выделенный жирным шрифтом:«Кто до 24 лет не найдёт себе пару — тот “лох и ничтожество”, не найдёт никогда».

Этот идиотский, токсичный императив вошёл в голову, как заноза. Тревога, густая и липкая, поползла из желудка выше. Словно внутри меня лопнул стеклянный шар, и молоко детства тихо утекло. Я был отчислен из университета, а теперь глянец выносил вердикт и моей личной жизни. Я опаздывал. Отставал от какого-то важного поезда, который, казалось, ушёл, даже не будучи поданным к перрону.

Этот приговор стал фоном для двух следующих лет. Моя жизнь была гиперболой, ломкой траектории. От всесоюзных вершин «вундеркинда» — золотой медали, экспедиции за полярный круг на солнечное затмение, стипендии фонда Сороса — к торговле пиратскими дисками с риском быть сожжённым конкурентами.

Тот поезд, на который я в итоге запрыгнул, больше смахивал на товарняк, идущий в никуда. От предсказуемого благополучия — к железному кубику в «каблучке», где трясся мой друг Борис, пока мы везли на книжный рынок в коске «Россия» пачки пиратских дисков.

Утро там пахло старыми книгами и пылью. К полудню запах перебивался сладким дымком от сожжённой машины конкурента — местный картель решал вопросы. А к вечеру пятницы тот же зал, где днём дети вглядывались в обложки игр, пропитывался маревом сигарет, алкоголя и духов — следы вчерашней дискотеки и готовившегося стрип-шоу в «Мальвине».

Я ненадолго стал боссом. Не начальником, а именно боссом — с налётом криминальной романтики и власти, добытой в драке. Пачка денег после удачной субботы была толще месячной зарплаты моих родителей-металлургов, «не вписавшихся в 90-е». Деньги эти пахли дешёвой колбасой и пылью.

Дома меня ждал гул материнских упрёков и молчаливая, подавленная ярость отца. Дом был не убежищем, а полем боя, где все проиграли. И в этом гулком хаосе вдруг всплыла чужая строка, вырезанная кем-то на университетской парте три года назад:«Нам по 27 лет, но всё, что было, не смыть ни водкой, ни мылом с наших душ»

Мне было далеко до их двадцати семи. Но ощущение несмываемой грязи, этой клеймящей повинности будущего уже поселилось внутри, как приговор от тех, кто прошёл путь до меня.

И я бежал от него, пытаясь купить себе значимость в другом мире — мире офиса компании, где я тогда работал.

Я думал, что эта фраза, вырезанная на парте, — приговор от старших. Не знал только, что вернусь к ней через тридцать лет — уже не один.

3. Осколок лабораторная работа 0

8 ноября 2025

Martin Gore — Smile in the Crowd

https://rutube.ru/video/240b6be2bd316c6ebc6fe227a981c8c8/?r=wd

https://music.yandex.ru/track/401150?utm_source=web&utm_medium=copy_link

8 ноября 2025 года. Суббота. Мы едем в мой университет, куда я впервые пришел в 1993-м.

Она сказала: «У тебя же нет планов на субботу?» — с тем же тоном, с каким много лет назад спрашивала: «Есть пойдешь, поэт?» Это не вопрос, это ритуал. Запуск маленькой машины сюрприза.

Тогда, в 1993-м, я был астрономом-первокурсником с тетрадью и трепетом. Летом 1996-го лежал в гамаке. А теперь в 2025-м — мужчина в возрасте, пришедший на «Всероссийскую лабораторную работу» как на шоу, почти как турист в собственном прошлом. И она — та самая женщина, которая стала ответом на все вопросы, которые я тогда ещё не умел задать.

Скрип скамеек в той самой аудитории — тот же. Гул голосов до начала — тот же. И на той же парте — та же, выцветшая от времени, надпись, которую я когда-то принял за приговор:

«Нам по 27 лет...». Но теперь все это перебивает ее смех, которого не было в той реальности. И лектор объясняет квантовую запутанность словами, которых мы тогда не знали.

Аудитория. Та самая... Я сижу и смотрю на ту же стену, на которую смотрел, когда впервые понял, что такое красное смещение. И она рядом — мое главное открытие, не имеющее отношения к астрофизике.

Я сижу на той же парте, читаю ту же выцветшую надпись и думаю, как странно всё свернуло: от одинокого студента к этому залу, где она смеётся рядом.

Тогда, в 1998-м, я только учился говорить с ней без дрожи в голосе, а теперь мы вместе смеёмся над задачами, которые я тогда решал в одиночку.

4. Осколок вызов сержанта

1998 год
Carlos Gardel - Por una Cabeza
https://music.yandex.ru/track/3507932?utm_source=web&utm_medium=copy_link
https://rutube.ru/video/8ab9c5280e85017975b0715c9b035afc/?r=wd
https://yandex.ru/video/preview/8604162361863194794

Екатеринбург, Уралсистем, одиннадцатый этаж, конец рабочего дня.

Большая комната отдела продаж — днём сюда водили клиентов, раскладывали коробки 1С, печатали счета, звонили, объясняли, к вечеру на этих же столах возникали колбаса и бутылки. Столы отодвигали от стеллажей к окну, стулья стаскивали из соседних комнат. Люминесцентный свет сверху делал лица чуть бледнее, но к этому никто уже не придирался.

На полу — голый линолеум, никакого ковролина. В воздухе смешивались запахи картона бумаги, тонера, колбасы, маринованных огурцов и разных напитков, которые каждый приносил для себя сам.

Я поставил на стол три бутылки мартини — «Бьянко», «Россо» и мой любимый «Экстра Драй». Купленные в киоске на углу Малышева и Мамина-Сибиряка. Сегодня я праздновал. Когда я нагибался, пачка денег с субботнего рынка хрустела в кармане джинсов. Даже после того, как половину денег я уже отдал родителям, она всё равно была толще моей месячной зарплаты программиста 1С.

Недавно я рассчитался с Эрикосом. Просто пришёл, выложил деньги, забрал у себя из головы его имя и ощущение долга, и это было для меня важно. После этого в груди поселилось лёгкое, почти наглое чувство: я могу сам. На фоне коллег-офисного планктона это «легко» превращалось во что-то похожее на превосходство.

Сегодня я был спонсором вечеринки. Пират, который с рынка притаскивает добычу и щедро наливает остальным.

— Осторожней, пират, — буркнул кто-то из программистов, когда я задел коробку 1С. — Лицензию уронишь.

Юра вошёл следом, неся пластиковый пакет с хлебом и одноразовой посудой. Бросил его на стол, повернулся ко мне:

— Столы я составил, иди зови народ.

А это — Юра. Он умел организовать и накладные, и пьянку, и сложного клиента. Как-то мы тащили стол и сломали его, он пошел к директору и сказал: «Валерий Андреевич, у Вас будет новый стол». Этого пока достаточно.

Марина появилась первой. Сняла куртку, повесила на «рожок» у двери и села чуть в стороне, ближе к стеллажам. Красная вязаная кофта — аккуратное яркое пятно на фоне серых коробок. Села боком к окну, как будто за стеклом происходило что-то интереснее нашей вечеринки.

А это — Марина. Внедренец 1С:Бухгалтерии. Не считала чужие деньги, а расставляла по полочкам бухгалтерский хаос в головах главбухов. Сеньор, пока я был джуном.

Мы познакомились в чате «Диван» на «Махаоне». Сначала это были просто ник karinkam и аватарка. Переписки во второй половине дня и после работы: короткие фразы, чуть иронии, чуть усталости. Потом выяснилось, что мы сидим в соседних комнатах в одном и том же офисе. Какова ирония: познакомиться в чате чтобы обнаружить себя в соседних комнатах.

Мы делили один и тот же компьютер с базой: то ей срочно «провести документы», то мне — «обновление залить». Это была тихая война за право первым сесть за клавиатуру.

Она взяла стакан в руку.

5. Осколок Марина. Урок и дуэт

Февраль 1998
Depeche Mode - Useless
https://music.yandex.ru/track/144898970?utm_source=web&utm_medium=copy_link
https://rutube.ru/video/ebddd5611dd50cf1fecb49a36fd7f8e8/?r=wd

В онлайне — чат. В офлайне — война за клавиатуру.

Она за чаем — я к мыши.

Я на разгрузке — она «проводит документы».

В чате было проще. Можно было играть в умность.

Однажды вечером, когда в комнате уже гудели только системники, а чат ещё жил, я написал:

don't say you love me, don't say you need me... it's understood

Я знал, что она любит Depeche Mode, любил его и сам. И, пытаясь понравиться, решил сумничать. Затаив дыхание я смотрел, ожидая как она ответит.

Ответ прилетел сразу:

I know you can't be cause it's no good

Я почти физически услышал её короткий смешок и это мысленное «ш-ш-ш», как если бы она отмахнулась от липкой паутины. Мы не говорили друг другу ни «нравишься», ни тем более «люблю». Мы пели чужую песню, и это подменяло язык.

Тогда казалось, что этого достаточно. Что вот так — цитатами, обмолвками, совместными клиентами и борьбой за базу — и строятся отношения.

Однажды я услышал ее разговор по телефону, мол много работы, проведу выходные в офисе, за компьютером. И план родился сразу, мне давно нужно было это сделать.

Был выходной. Отец вёз нас по своим делам, по окраинным улицам: серый снег, киоски, маршрутки. Праворульный датсун, он наловчился переключать скорости левой рукой. Я сидел сзади, смотрел в окно и думал о Марине, о том, как она морщит нос, если кто-то неправильно ставит дебет и кредит, о красной кофте, в которой она иногда приходила на работу.

Мы уже проезжали почти мимо офиса, когда я услышал свой голос:

— Пап, а давай заедем на пять минут? Мне в офис надо. Документы забрать.

— Сейчас? — отец посмотрел в зеркало. — Ну да, всё равно по пути.

Мать вздохнула, но ничего не сказала. Сестра весело разглядывала картинки очередного журнала. Машина свернула во двор. В этот момент я ещё мог передумать. Сказать: «ладно, потом». Попросить просто покрутиться вокруг квартала. Но я уже держался за эту идею как за поручень: сейчас я зайду, скажу, и всё станет яснее. Алгоритм был простой: ввести команду — получить результат.

Они остались в машине. — Только недолго, — сказал отец. — Пять минут, — пообещал я и сам почувствовал, как у меня пересохло во рту.

Лифт пах пылью. Серое подъездное эхо перекидывалось моими шагами. Идя от лифта к кабинету я слышал лишь шум в ушах да собственный пульс. Представлял себе развязку. Нет, не представлял.

От этих ощущений в коленях становилось ватно. Я остановился на полпути, облокотился о стену. Сердце билось где-то в горле, так громко, что казалось, его можно услышать через дверь офиса.

Я всё равно пошёл дальше.

Офис в выходной — как декорация без актёров. Полутёмный коридор, выключенный кондиционер, редкий свет из окна в конце. Открыта только одна дверь — наша. Внутри тихо гудит системный блок, на стеллажах ровными рядами стоят коробки 1С.

Марина сидит за своим столом. В красной вязаной кофте.

— Ого, — удивляется она. — Ты чего тут в субботу?

Я делаю пару шагов вперёд. Руки ощущаю как чужие: пальцы чуть дрожат, ладони влажные. Я пытаюсь придумать любую вводную фразу — спросить про клиента, про работу, про эту её кофту — и не нахожу ничего.

В голове — пусто и очень шумно. Всё тело уже понимает, что сейчас будет глупость, но рот открывается сам.

— Я — говорю я, и голос звучит выше обычного. — Я люблю тебя.

В пустом кабинете она отскакивает от стен. Ни «привет», ни паузы, ни попытки подвести — просто команда, отправленная в систему, как *RUN LOVE.EXE.*

Сказано.

Она не хватает воздух, не театрально откидывается на спинку стула — ничего такого. Она словно чуть сжимается внутрь этой своей красной кофты, как в панцирь. Смотрит на меня

внимательно, долго. Мне кажется, я слышу, как где-то в соседнем кабинете щёлкает реле в системном блоке.

— Андрюша — говорит она наконец. Голос ровный, тихий. — Любовь — самый большой обман в жизни. Поверь. Ты ещё это узнаешь.

И в эту секунду всплывает наш общий виртуальный «мистер биг» из чата — его ее рассказы, его ночные приезды, её красные глаза по утрам.

Ни злости. Ни смеха. Если бы она рассмеялась — было бы легче. Если бы вспыхнула и сказала: «Ты с ума сошёл?» — тоже. А это было как диагноз, который тебе озвучивают, уже зная результат анализов.

Я киваю, хотя не очень понимаю, чему именно. Горло перехватывает, говорить больше ничего не получается. Плечи сами собой подаются назад — жест отступления.

— Ладно — выдавливаю. — Я пойду.

Каждый шаг к двери даётся отдельно. Я чувствую её взгляд в спину — не как прицел, а как то самое сочувствующее «ну что ж ты». Я выхожу в коридор, дверь мягко закрывается, оставляя её там, в красном пятне света из окна.

На лестнице впервые становится по-настоящему холодно. Пальцы на перилах скользят, как по льду. Я спускаюсь вниз, кажется быстрее чем на лифте — как будто за мной кто-то идёт.

Во дворе машина стоит там же. Наш старый датсун с мишками, немного покосившийся на одно колесо. Через стекло вижу профиль отца, согнутую спину матери, сестру. Я открываю заднюю дверь, сажусь. Обивка сиденья шершавая, будто цепляется за куртку.

— Ну что, всё? — спрашивает отец, не оборачиваясь. — Всё, — говорю я.

Мать поправляет пакет у себя на коленях:

— А мы уж думали, ты там на работе и останешься, — пытается шутить.

Я улыбаюсь, как положено. Дверь захлопывается, машина трогается. Снаружи остаётся офис, красная кофта, её фраза. В салоне — запах бензина, дешёвого освежителя воздуха и семейной субботы. Сердце постепенно опускается из горла обратно в грудь, но там, внутри, уже что-то поменялось местами.

Эпилог случился не сразу. Через какое-то время мы снова болтали в «Диване» — как ни в чём не бывало. Про клиентов, про отчёты, про то, что «опять обновление кривое вышло».

Вечером, уже почти перед уходом, когда в офисе гудели только вентиляторы и лампы дневного света, я снова посмотрел на строку ввода.

Пальцы набрали сами:

don't say you love me, don't say you need me... it's understood

Никаких «давай поговорим тогда». Никаких «я всё ещё». Только эта строчка. Про то, что можно не говорить. Что всё и так ясно.

Ответ пришёл не сразу, тянулись мучительные мгновения, и наконец:

All my useless advice

All my hanging around

All your cutting down to size

All my bringing you down

Я увидел эти зелёные буквы на чёрном фоне и впервые почувствовал, что это не игра в цитаты. Не драматическое прощание, не сцена разрыва — просто щелчок выключателя.

Мы не говорили про тот день. Не разбирали, кто был неправ. Не устраивали «разбор полётов». Она осталась Мариной — коллегой, умной и ироничной девушкой, которая однажды сказала мне вещь, для которой у меня тогда не было ушей.

Красная кофта, пустой офис, лестница и мягкое «Андрюша» — это всё будет всплывать потом, когда я буду очень осторожно подбирать слова.

Но в тот момент, в машине после офиса, я был всего лишь сыном на заднем сиденье.

6. Осколок цветы для начальницы

Вот Марина сидит, в своей красной кофте, со стаканом в руке.

***

Анна пришла, как всегда, шумно: сначала слышались каблуки по коридору, потом в дверном проёме появилась она.

Девушка словно картинка с выставки где она обычно и работала. Длинные чёрные волосы, выразительные тёмные глаза. Ни разу не видел её в брюках — только юбки и платья.

— Так, — сказала она, окидывая стол взглядом. — У нас что, мартини? Я за «Бьянко».

А это — Анна. Она жила на выставках, семинарах. Стенды, буклеты, значки, конференц-залы ее стихия. Если где-то в городе проходило мероприятие 1С, очень вероятно, что на стенде стояла она и раздавала улыбки вместе с формами отчетности на дискетах.

Конечно я смотрел на нее, как и все мужчины нашего коллектива, только я настороженно и «снизу вверх». Анна вешает пальто на вешалку.

***

Март 1998

The Cardigans - My Favourite Game

https://music.yandex.ru/track/7786?utm_source=web&utm_medium=copy_link

https://rutube.ru/video/ce1edf7859df0c607f37b795add00600/?r=wd

Второго марта Анна заглянула в наш кабинет, где я работал. В дверном проёме она была похожа на кадр из чёрно-белого кино, который вдруг раскрасили — но только губы. Длинные чёрные волосы, тёмные глаза, яркая помада. Ни разу не видел её в брюках — только юбки и платья.

— Вчера у начальницы был день рождения, — сказала она. — Пойдёшь со мной за цветами? Одной идти скучно.

На улице пахло весной и мокрым асфальтом. У цветочного ларька Анна долго выбирала, склонив голову. Её пальцы в тонких кожаных перчатках скользили по стеблям.

— Тюльпаны, — решила она наконец. — Но только не жёлтые.

Продавщица, укладывая цветы в бумагу, посмотрела на нас с одобрением.

— Хорошая пара, — кивнула она мне, как сообщнику. — Очень.

Мы не стали объяснять. Было забавно на час побыть кем-то другим.

— Молодые люди! — Мужчина с «Зенитом» на животе почти вынырнул из воздуха, размахивая руками. — Для городской газеты, к празднику! Разрешите сфотографировать? Вы — сама весна!

Он усадил нас на железный бордюр, заставил повернуться друг к другу. Анна положила руку мне на плечо. Её духи пахли холодными цветами. Щёлк.

— Потом покажете внукам, — пообещал фотограф.

На обратном пути, у заиндевевших перил, сидел художник. Он продавал картины, прислонённые к стене. Среди ярких пятен Ван Гогов и Матиссов я увидел «Дубы» Шишкина — скучные, честные, как правда.

— Зачем тебе это? — удивилась Анна, когда я протянул деньги.

Я и сам не знал. Просто в тот день, пахнущий тюльпанами и чужими духами, эти дубы казались единственным, что не врёт.

А тюльпаны мы отнесли начальнице.

***
Анна разобравшись с вешалкой подходит к столу и садится за него.

К этому времени в комнате уже были почти все. Программист Лёша Контарь, который то и дело косился на Анну и делал вид, что рассматривает потолок. Серьёзный Сережа Белов, сын одного из учредителей, с выражением лица, как у человека, который даже в отдыхе видит отчётность. Миша Киевский, как он себя называл «шофёр-консультант» и это правда было написано в его трудовой. Он смешивал разговоры про маршруты и настройки лицензий. Пара ребят из «Лантеса», заглянувших «на огонёк».

Возможно, — потом у каждого из них будет своя история. А сейчас — только расстановка фигур.

Я налил себе немного «Экстра Драй», поднялся, опёрся о край стола. Внутри включился знакомый режим рыночного ведущего: по субботам я этим голосом перекрикивал толпу, объявляя цены и шутя поверх чужого шума.

А это я Так и хочется сказать «Гений, миллиардер, плейбой, филантроп», но увы, ни то, ни другое, ни третье, ни четвертое да и слова эти еще не написаны. Вундеркинд в отложенном старте. Двигатель ревет, а сцепление выжато. И сегодня я решил его бросить.

Сцепление, а ведь тогда я еще не умел водить. Водил мой отец, и вот мы с отцом едем на «каблучке».

7. Осколок рождение пирата

Книжный рынок КОСК Россия. 1996

R.E.M. - Losing my Religion
https://music.yandex.ru/track/32302763?utm_source=web&utm_medium=copy_link
https://rutube.ru/video/056656a85c228e754a078d10c2ab51ac/?r=wd

Сначала я ходил на книжный рынок просто за книгами.

Желязны, Азимов, пара фантастических журналов — привычный маршрут выходного дня.

Мимо столов с дисками я проходил быстро: там шумели, торговались и кричали свои цены, а мне тогда это казалось отдельной цивилизацией.

Через два года я уже стоял там сам — продавцом.

Хозяев точки звали Серёга и Женя, оба из «Дароса»: кожаные куртки, уверенный взгляд, размер кроссовка — как детская лодка.

Они торговали мелочёвкой и брали меня на подработку.

Я стоял, улыбался покупателям и впервые видел, что деньги можно зарабатывать не учебниками и не дипломом.

Потом я предложил им схему:

— Дайте мне игры.

В пятницу беру под реализацию, в понедельник — возвращаю остаток и деньги.

Место и продавцы — мои.

Вам не надо вставать в пять утра и ехать на «Коск».

Они переглянулись и кивнули.

Так у меня появилось своё место — редкая удача на рынке, где места обычно либо покупали, либо «освобождали».

Торговля играми — это не просто продажа.

Нужно было знать всё: какие вышли новинки, что работает на слабых машинах, в чём разница между «Warcraft II» и «Dark Saga», почему «Heroes» лучше брать с русификатором, а «Fallout» — нет.

Люди приходили ко мне не только за диском, но и за инструкцией, советом, иногда даже за решением проблемы:

«У меня после заставки чёрный экран».

«Справишься?»

Справлялся.

Новички появились шумно.
Свежие лица, новая точка, широкий канал поставок, цены — в пол.
Они торговали так, будто рынок — это место, где всё честно.

Старожилы смотрели на них без улыбки.

Однажды утром меня позвали:

— Пойди, поговори с ними. Постоишь рядом, покумекаешь.

Главное — чтобы не выходили пока.

Я прекрасно понял «пока».

И зачем.

И что сейчас будет.

Но пошёл.

Подошёл к ним, заговорил об играх, о продаже, о новинках.

Рассказывал, что в «FIFA» лучше выключать комментаторов, чтобы не тормозило; что «Diablo» идёт только на восьми мегабайтах ОЗУ; что «Settlers II» — самая недооценённая стратегия.

Они слушали.

Смеялись.

Спрашивали про модемы и сетевые игры.

За моей спиной хлопнула дверца их машины.

Потом что-то хрустнуло.

Потом запахло так, как пахнет только тогда, когда пламя берёт сразу бензин и салон.

Они заметили секунду спустя:

— Что это?

— Да фигня, — сказал я. — Кто-то коротнуло.

Когда они всё-таки побежали, машина уже была делом техники.

И огня.

На другой день они не приехали.

В следующую субботу — приехали.

Уже осторожнее.

Без музыки.

Без улыбки.

А я просто торговал.

В пятницу забирал коробки с дисками.

В понедельник возвращал деньги.

Отец возил меня на «каблучке»; Борис ехал в железном кубе, гремел там вместе с коробками.

— Ты живой там?

— Выживший, — отвечал Борис. — Поедешь ещё так, я тебя в «Героев» обыграю из мести.

К вечеру пачка денег в кармане была толще отцовской зарплаты.

Совсем толще.

Мы ехали домой мимо детсада, где он когда-то чистил снег.

Он молчал.

Я молчал.

Деньги шуршали.

Иногда на рынке меня называли «шефом».

В шутку.

Но не совсем.

Я не поджигал их машину.

Но я стоял рядом, когда это было нужно.

И говорил.

И знал, зачем говорю.

Авторитет на рынке вырос.

Я стал человеком, к которому подходили за советом — и за разрешением вопросов.

Продавцом игр.

Который оказался полезен в момент, когда кому-то очень нужно было, чтобы другие никуда не ушли вовремя.

Вот так и родился пират.

Не из жадности.

Не из злости.

Из хитрости, игр, рынка, где я говорил, и мои слова висели в воздухе такой же твёрдой, чужой глыбой, как тот стержень в руке. Тот же холод металла на кончиках пальцев, та же сжатая пружина в грудной клетке. И так же, как тогда, — сработали.

8. Осколок урок крови

примерно 1989

Alphaville - Forever Young

https://music.yandex.ru/track/203667?utm_source=web&utm_medium=copy_link

https://rutube.ru/video/345b71a92983cb6467167ee29aaac67c/?r=wd

На уроках труда всегда пахло стружкой, олифой и чем-то железным. Мальчишеский вольер: верстаки, молотки, шурупы и ощущение, что здесь можно чуть больше, чем в обычном классе.

Орлов искренне считал это своей сценой. Мой тёзка — Андрей Орлов, жестокий шутник с вечной потребностью быть центром внимания. Щёлкнуть по уху, дернуть стул, испортить вещь — всё ради смеха одноклассников.

Я долго пытался решить это по-правильному: «Хватит», «отстань», «мне не смешно». Он только ухмылялся. Отличник-тихоня для него был не человеком, а инвентарём.

Точка слома случилась, когда он сломал офицерскую линейку, подаренную отцом. Линейка треснула хрупко и очень обидно, как будто ломали не пластик, а что-то гораздо важнее. Он засмеялся. Я — нет.

Через пару дней в моём кармане появился тяжёлый латунный стержень. Размером с кулак, не торчал но делал удар гораздо сильнее. Я сжимал его в кулаке, проверял, как лежит. Никакой особой ярости не было. Был расчёт: раз слова не работают, остаётся попробовать другое. Я стал носить стержень с собой, выжидая момент.

На очередном труде Орлов, как обычно, запустил в меня чем-то — то ли тряпкой, то ли обломком рейки. Повод минимальный, но этого хватило.

Я встал. Подошёл. Вложил стержень в кулак и ударил его в лицо. Мы вместе рухнули на пол, я сверху. Пару раз глухо приложил его головой о доски. Без крика, без киношной драматургии. Просто последовательность заранее продуманных действий.

Кровь появилась быстро. Яркая, непривычная, на фоне опилок казалась почти чёрной. В мастерской стало тихо. Кто-то сказал: «Ты чё, с ума сошёл?»

Учителя, разбор, вызов родителей — всё это случилось, но как будто сбоку. Важно было другое: **никто** за меня не заступился. Никто не сказал: «Он достал его».

Зато на меня стали смотреть по-другому.

Не как на тихого отличника, а как на человека, у которого «что-то щёлкнуло». Со мной старались не связываться. Зато списывать хотели все. Пара пацанов после этого всегда вставали рядом, если намечался конфликт. Они никогда не говорили прямо, что «держат мою спину», но я понимал. Им первым я потом отдавал готовые домашки — так у меня появился свой маленький «охранный холдинг».

Победой это не казалось. Скорее — открытием. Я узнал, что могу. Что насилие работает быстрее любых разговоров. И вместе с этим пришло мерзкое ощущение, что внутри меня живёт кто-то, кому это даже понравилось.

С тех пор я терпеть не могу вид крови. И по телевизору, и своей. Не потому что боюсь драки. Потому что очень хорошо помню, как однажды был тем, кто **держит стержень** и решает, что делать дальше.

9. Осколок скотобойня

Лето 1992

Pnk Floyd - Another Brick In The Wall, Part 2

https://music.yandex.ru/track/2774891?utm_source=web&utm_medium=copy_link

https://rutube.ru/video/fa1830b24ce06108cfe5ac7246fe3b85/?r=wd

До шестнадцати лет я не переносил кровь вообще.

Не «не люблю» — а именно падал.

В школе на «Основах медицинских знаний», когда показывали плакаты с кровотечениями, я отключался первым. Сосед по парте меня уже ловил автоматически.

Любой намёк в кино — и я смотрел в пол, пока сцена не закончится.

Любой анализ крови из вены превращался в мини-спектакль: медсестра, нашатырь, я — горизонтально, с ощущением, что тело решило отключиться раньше, чем я успел испугаться.

После истории со школьным стержнем это стало раздражать.

Не героически — просто по-человечески.

Неудобно ведь падать в обморок от кино.

Летом у бабушки я и придумал свой дурацкий план:

если я так боюсь крови — значит, надо посмотреть на неё поближе.

Скотобойня стояла на окраине городка: невысокое здание, запах чувствовался ещё на дороге.

Бабушка только перекрестилась и сказала:

— Ты смотри там, не упади.

Я сам не был уверен, что не упаду.

Внутри, честно говоря, романтики не было.

Просто место, где делают то, что нужно делать.

Люди заняты делом, никому до тебя нет дела.

Запах сильный, шум глухой, мухи ленивые.

Я постоял. Потом ещё. И ещё чуть-чуть.

Минут через пять организм сказал что-то вроде:

«Ну ладно. Будем считать, что это нормально».

И именно в этот момент стало по-настоящему страшно: если даже к этому привыкаешь, значит, во мне нет никакой «естественной защиты», есть только то, что я решу считать нормой.

И всё.

Без откровений, без тошноты, без просветлений.

Вышел — голова не кружится.

Солнце светит.

Бабушка спрашивает:

— Как?

— Да нормально, — говорю.

Странно, но с того лета кровь перестала на меня действовать почти двадцать лет.

Не в смысле смелости — просто не реагировал.

Кино? Легко.

Ужасы под ужин шли нормально.

Это не сделало меня храбрее.

Просто как будто выключили какой-то выключатель.

А включился он обратно уже во взрослом возрасте — внезапно, без предупреждения.

Сейчас снова сдаю кровь в положении «лёжа»

и фильмы с красными эффектами пропускаю.

Жизнь вернула всё на место.
И там, в той скотобойне, оказалось только одно достижение:
я туда всё-таки зашёл — и не упал.

10. Осколок фундамент. Дом, который не крепость

(начало–середина 90-х)
Кино - Время есть а денег нет
https://music.yandex.ru/track/40696655?utm_source=web&utm_medium=copy_link
https://rutube.ru/video/81e184cb172c495c51d5450a3d30a961/?r=wd

Если бы кто-нибудь зашёл к нам домой минут на пять, он бы решил, что всё у нас отлично. Книжный шкаф под потолок, ковёр, телевизор, сервант с хрусталём, на кухне — аккуратные баночки, полотенце со смешной курицей. Обычная приличная семья инженеров, едва перешагнувших сорокалетний рубеж.

Нужно было просто посидеть дольше.

Минут через десять, обычно где-то между вторым и третьим глотком чая, из мамы начинали высыпаться фразы, как из надорванного пакета с крупой.

— Да ты бы без *моей* квартиры где был, а? — говорила она отцу, помешивая борщ. — Тоже в общаге бы свои «идеи» обсуждал.

Квартира была отдельным персонажем в нашей семье. Её купили сахалинские родители мамы ещё в начале семидесятых, в эпоху, когда за такое давали почти орден. С тех пор она числилась везде: в паспорте, в ЖЭКе и в каждом семейном споре.

— Женился он, — продолжала мама, — не на мне, а на квадратных метрах. И на икре.

«Икра» звучала почти как фамилия. В начале восьмидесятых с Сахалина прилетали посылки, и это действительно было похоже на сказку. Я был любимый внук, это не обсуждалось. В посылках были жестянки с красной икрой, тушёнка, какие-то загадочные банки с консервами, а главное — джинсы и куртка аляска. В ней я ходил по двору, как маленький посол капитализма: капюшон, мех, карманы, в которые помещалась половина моего детства.

Родителям в посылках доставались тоже подарки: то дефицитная кофточка, то японский калькулятор, то какой-нибудь китайский (тогда это значило качественный) термос. Сахалин тогда казался очень далёкой, но доброй планетой. Прилетела посылка — значит, нас там помнят и любят.

А зимой 1982 года родители и вовсе сорвали джекпот — путевка на Кубу. Знакомые крутили у виска: «Полмашины отдали, с ума сошли?» Но они вернулись загорелые, с кучей друзей и катушками для магнитофона с «Битлз» и рассказами, от которых пахло морем и свободой. Долгими вечерами они собираясь с новыми друзьями рассматривали слайды: папа в белой рубашке на фоне пальм, мама смеётся. На одной стене нашей свердловской квартиры висело это тёплое море, на другой — ковёр, а посередине пыталась устроиться наша реальность.

Потом бабушка с дедушкой уехали на западную Украину, дед умер в восемьдесят шестом, и посылки закончились. Сахалин превратился в слово, которое произносили всё реже, как имя дальнего родственника, который давно перестал звонить.

Зато квартира осталась. И вместе с ней — мамина уверенность, что отец женился на ней исключительно по расчёту.

— Ты думал, что, — говорила она, — женишься, и всё: квартира, сахалинская мама с дефицитом, вот это всё. А в итоге пашешь сторожем. Как твой отец, царство ему небесное, в гараже.

Отец в этот момент обычно молчал. Садился на табуретку, ставил локти на стол и смотрел в свою кружку, как в телескоп. Он у нас вообще предпочитал говорить коротко и нечасто. В его биографии когда-то были институт, перспективы, какие-то заводские проекты. В начале девяностых перспективы испарились, как наш абрикосовый джем из арендованного гаража. Остались «экстенсивные подработки» — так он это называл, с какой-то усталой иронией.

— Экстенсивные работы, — объяснял он мне однажды. — Это когда сил тратишь много, а толку мало. Но зимой снег сам себя не уберёт.

Днём он был инженером где-то на заводе, где задерживали зарплату. Вечером надевал старую куртку (иногда ту самую, присланную с Сахалина — жизнь любит иронию) и шёл сторожить или снег кидать в детском саду. Я видел его с метлой или лопатой и никак не мог совместить этого человека с тем, кто вез меня в Ленинград на день ВМФ, чтобы посадить в поезд с учёными на экспедицию.

Мама, впрочем, считала, что всё очень просто.

— Мужчина должен обеспечивать семью, — говорила она. — А не ходить с лопатой за копейки. Пока я тебя кормлю, — это уже мне, — я решаю, как тебе жить. Ясно?

Фраза «пока я тебя кормлю» у нас дома была как Конституция. Её можно было цитировать в любой ситуации: от оценки моих оценок до выбора кружка. Она звучала спокойно, без крика, но всякий раз как щелчок по носу.

При этом бедности как таковой я не очень помню. Мы ели нормально. Иногда даже слишком экзотично. В отдельном углу памяти стоит пирамида из банок китового мяса — это была одна из удачных «схем». Что-то на что-то обменяли, и в доме вдруг оказалось двести или триста банок с китом. Полтора года мы ели его с картошкой, в супах, просто так. Мясо было тёмное, жёсткое, с привкусом океана и чуть ржавой жести. Тогда это казалось просто особенностью меню. Сейчас — почти символом эпохи.

Другие схемы были менее удачными. Абрикосовый джем, сложенный штабелями в арендованном гараже, казался началом семейного бизнеса. Потом гараж открыли — и было только эхо. Джема не было, был долг и мамин сухой смех: «Ну вот, бизнесмены». Вязаные джемперы, которые знакомые взяли «попродавать» и вместе с деньгами уехали в отпуск, вошли в семейный фольклор почти как анекдот: «Поехали в Сочи в наших свитерах».

В одном из таких джемперов — из партии «на продажу» — я пошёл первого сентября 1993 года в университет.

Сел за парту, а на крышке — выцарапано: «Нам по 27 лет».

В комнате какое-то время стоял маленький пресс. Отец работал в кооперативе с армянами — точнее, «на армян», как он говорил. В пресс-форму заливали полистирол и выдавливали значки. Комната заполнялась запахом жжёного пластика, и мы старательно делали вид, что ничего необычного не чувствуем. Я пробовал помогать, вис на рычаге, но у меня получались кривые значки с перекошенными буквами. Пресс мы прятали от чужих глаз, как неприличный секрет. Инженеры-металлурги с высшим образованием тайком давили пластмассовые медальки — жизнь получалась с юмором, просто юмор был какой-то смоляной.

— Учись, сынок, — говорили они оба. — Твоя задача — учиться.

Слова были правильные, как в учебнике. Но летом 1990-го я пошёл разнорабочим на стройку и за пару недель заработал половину отцовской зарплаты. Не за доклад на конференции, не за измерения прозрачности атмосферы, а за самый простой «подай-принеси». Мир чуть-чуть перекосился, как наши значки под прессом. Знания оставались важными, но лопата неожиданно выглядела убедительнее.

Дом при этом оставался аккуратным, почти образцовым. Сестра бегала по коридору, вцепляясь в ковёр, телевизор показывал то «Поле чудес», то новости про реформы. За стенкой соседи ругались куда громче, чем у нас, и на их фоне мы выглядели почти благополучно.

Только для меня этот дом никогда не был крепостью. В крепости тебя защищают от внешних врагов. У нас главный враг сидел за одним столом с нами — это была усталость, обида и бесконечное «пока я тебя кормлю». Всё остальное — кит, джем, пресс, дворницкая лопата — были декорациями.

Если смотреть с улицы, наш дом был нормальным.

И в этом аккуратном, давно не крепком доме я всё чаще вспоминал «Курьера» и его тихий совет: мечтай о чём-нибудь великом.

11. Осколок *Астрономия

Выпускной класс. 1992-1993
David Bowie - «Space Oddity»
https://music.yandex.ru/track/362085?utm_source=web&utm_medium=copy_link
https://rutube.ru/video/6a66400c6ef96ff63492cd2f9e62775e/?r=wd

Выпускной класс начался у нас с новости, от которой весь 11-«А» сначала притих, а потом ожил: астрономии в этом году **не будет**. Учитель ушла в декрет, замену не нашли, программа — бог с ней, а дети итак перегружены. Но поскольку предмет должен быть, оставили «астрономию». И назначили меня ее вести.

Не официально, конечно. Никто не вручал указа с печатью школы Просто однажды классный руководитель сказала:

— Ты же всё равно там свои звёзды любишь. Вот и веди. Нам главное — чтобы было. А ты ладный парень, справишься. Экзамены сам примешь.

Так я стал единственным учеником, который вёл урок у собственного класса и принимал по нему экзамены. Звучит смешно — но тогда это казалось почти серьёзным назначением. Я даже пытался быть строгим, как настоящий преподаватель: говорил «садитесь», «открыли тетради», «солнце — обычная жёлтая звезда спектрального класса G2V», а мои одноклассники делали вид, что записывают. Весь пафос рушился, когда кто-то спрашивал:

— А можно выйти?

Или когда девчонки на задней парте хихикали, что у «учителя» тетрадка вся в наклейках, а ручка обмотана изолентой.

На экзаменах я сидел за учительским столом с видом человека, который видел в жизни две экспедиции и одно солнечное затмение, а теперь знает, как выглядит настоящая ответственность. Внутри, конечно, умирал со смеху. Но держался.

А главный удар по моей солидности нанёс учебник.

Это был тоненький советский том «Астрономия», всего 16 академических часов. Он как бы намекал на место астрономии в современном мире. Я его не любил. За эту легковесность, но рассказать мог его почти наизусть.

И вот однажды открываю — а на обложке поверх большого синего слова *Астрономия* аккуратно пририсована буква **Г**.

Гастрономия.

Осмысление заняло секунду три.

Сначала — обида. Потом — смех. А потом — очень странное чувство. Будто кто-то неизвестный, каким-то школьным ясновидением, заранее подсказал сюжет моей будущей жизни.

Будто этот человек знал, что лет через двадцать я буду готовить курицу терияки и ризотто, участвовать в вечеринках национальных кухонь, покупать специи оптом — а звёзды останутся чем-то вроде старых фотографий: дороги, но уже не профессия.

Я держал этот учебник на уроке, прикрывая пальцем букву Г, но одноклассники всё равно видели и ухмылялись:

— Ну что, товарищ гастроном, когда контрольная?

А я отвечал:

— На следующей неделе. Приготовьтесь.

И каждый раз мысленно уточнял: кто к ней готовится лучше — они, или я.

Наверное, именно тогда я впервые понял простую вещь: иногда одна буква оказывается точнее любого астрономического прогноза.

12. Осколок значки

1989
The Velvet Underground, Nico - Sunday morning
https://music.yandex.ru/track/8386?utm_source=web&utm_medium=copy_link
https://rutube.ru/video/7f4dafb6ba8170b1be2a46b62c520392/?r=wd

Вечером пресс в комнате выглядел как странный зверь. Днём он просто занимал место, а ночью оживал: лампочка под абажуром, на столе коробка с полистиролом, рядом — пачка лавсановых «золотинок» и запах жжёного пластика, который въедался в шторы.

Отец сидел сбоку, чуть вполоборота, как токарь у станка. Клал в форму кусочки пластика, сверху — золотистый кружок, опускал рычаг. Пресс вздыхал, чмокал, и через пару секунд рождался очередной значок — круглый, блестящий, с «Montana», «Adidas» или «Puma» на боку новой экономической реальности.

Часть значков получалась идеально: ровные края, читаемые буквы. Их складывали в коробку — тем предстояло отправиться к заказчикам. Другая часть выходила кривой, с пузырьком, с замятием по краю или смазанной буквой. Эти падали в отдельную кучку — на переплавку.

Я смотрел именно на эту кучку.

— Это брак, — говорил отец. — В печку.

Брак мне нравился больше. В нём было что-то живое. У идеального значка ты сразу понимал, где у него верх и низ. У бракованного приходилось приглядываться, и каждый был немного уникальный. Как люди.

Однажды вечером, пока отец отходил на кухню, я взял пару таких «уродов», повертел в руках. С одного боку чуть облой, буква «d» в «Adidas» — как будто хромает, но в остальном всё сияет. На школьной дистанции вытянутой руки дефекта вообще не видно.

— Эти всё равно в переплавку? — спросил я, когда он вернулся.

— Конечно, — махнул он рукой. — Хлам.

Слово «хлам» прозвучало как разрешение.

Через пару дней я уже сидел за тем же столом, только вместо пресса передо мной лежали паяльник, коробочка с булавками и горстка «брака». В комнате было поздневечернее полутёмное, окно чёрное, как выключенный экран. Отец ушёл на смену сторожем, мама укладывала сестру, а я устроил свой маленький цех.

Паяльник шипел, пахло канифолью. Я прижимал булавку к обратной стороне значка, заплавлял каплю пластмассы, ждал, пока хватит. Получалось не очень аккуратно, но надёжно. Лицо «Montana» чуть перекошено, булавка припаяна не по центру, зато блестит — почти как магазинный.

Я не думал тогда словами «маржа» и «ликвидность». Я думал проще: в киоске такой значок стоит три рубля. Я свой бракованный могу дать за рубль. Кто будет вчитываться в букву, если он всё равно сверкает на куртке?

Утром я шёл в школу с аккуратно звенящей коробочкой в портфеле. Было ощущение, что несу что-то запрещённое — почти как магнитофонные «битлы» с Кубы, только в масштабе восьмого «А». На перемене достал коробку, положил на парту, как фокусник выкладывает колоду.

— Это чё? — спросил первый клиент.

— Значки. Почти фирма. Рубль штука.

Никто особо не всматривался. Их брали в руки, водили пальцем по золотинке, смеялись: «О, Montana, как у двоюродного из Тюмени», и доставали деньги. Рубль — это было не так уж мало, но три всё равно никто бы не отдал. А тут — скидка, да ещё можно выбрать.

Через пару дней спрос сам подсказал мне следующую ступень капитализма.

— Слушай, — сказал один одноклассник, — дай десять штук за пятёрку. Я у младших раскидаю.

Я задумался, посчитал в уме и понял, что придумал оптовую цену.

— Ладно. Но только тебе.

Так у меня появился первый дилер.

Значки разъезжались по школе: висели на джинсовых куртках, на спортивных кофтах, на сумках. Где-то там, в самом низу, под куртками, родители всё ещё ругались про квартиры, лопаты и «женился ради метража». Сверху всё блестело «Adidas»-ом.

За пару недель я выручил больше, чем на стройке за ту самую полмесяца, и уж точно больше, чем отец получал за смену сторожем. Я тогда не знал слова «цинично». Я просто удивлялся: как так выходит, что взрослый человек с лопатой и дипломом приносит домой меньше, чем восьмиклассник с коробкой брака?

Тогда это выглядело скромно: ребёнок сидит вечером за столом, под настольной лампой, паяльник, банка с водой, пара обожжённых пальцев. За стенкой мама шуршит кастрюлями и повторяет что-нибудь про «учиться надо».

А я уже в этот момент учился. Просто предмет назывался не «физика» и не «астрономия». Он назывался «как сделать из брака капитализм».

***

Ты чего замечтался, пират? Трясет меня за рукав Юра, и правда, чего это я, я же тут в эрикосе.

Сегодня я собирался блеснуть. Одновременно для всех.Перед Мариной — пафосным флером, чтобы хоть как-то компенсировать разрыв между джуном и сеньором. Перед Анной — эффектным образом, чтобы доказать, что я не просто «парень с рынка».

— Ну что, — сказал я, — давайте вас как-то каталогизируем. Мы же отдел 1С, нам положено вешать ярлыки.

Кто-то хихикнул. Мне это понравилось.

— Вот Марина, — кивнул я в её сторону. — Это у нас Арвен. Снаружи строгий интерфейс, внутри — чёрный ящик, где происходит магия.

Марина коротко посмотрела на меня, уголки губ дрогнули, и она спрятала улыбку в пластиковый стакан. Я надеялся, что она-то поняла отсылку. И в этом была наша отдельная, чатная история, которая здесь, при всех, не стоила ровно ничего.

— А Анна — я перевёл взгляд. — Анна — это стенд Эльвинг. Свет, отражённый от чего-то большего, чем весь наш офис. Опасная для статистов, но очень полезная для сюжета.

Имя «Эльвинг» большинству, конечно, ни о чём не говорило, но звучало достаточно потолкиновски, чтобы произвести впечатление. Анна оценивающе подняла бровь, будто проверяя, насколько её новый «ярлык» соответствует её рыночной стоимости. Лёша сделал вид, что ему всё равно, и сразу выпил половину своего мартини.

Шутка разошлась по комнате и растворилась в общем гуле. Я чувствовал себя королём этой маленькой вселенной: раздаю роли, разливаю алкоголь, задаю тон.

И тут я почувствовал на себе взгляд.

Наталья сидела за своим большим столом у входа — тем самым, за которым днём принимала клиентов. Стол не стали сдвигать: он оставался границей между «офисом» и нашей импровизированной столовой.

Она не бегала за стульями и не рылась в пакетах. Просто сидела, скрестив руки на груди, и смотрела.

А это — Наталья.Руководитель отдела продаж. Формально — наш начальник. Фактически — человек, который держал этот офис в руках, как штурвал, наш сержант. Она была чуть старше нас, молода, но «своя». Не из нашей «офисной вольницы», как нас называл, но из компании, где все «на ты» и «посидим после работы». Её авторитет не нуждался ни в мартини, ни в остроумных сравнениях.

— А я? — спросила она.

Без улыбки, не повышая голоса. Просто короткий вопрос, брошенный как вызов.

Шум вокруг не стих — кто-то наливал, кто-то смеялся, магнитофон шипел себе под нос. Но для меня всё это на секунду ушло в фон.

Этот вопрос не укладывался в игру, которую я затеял. Не был флиртом, как с Анной. Не был подмигиванием, как с Мариной. Это было «проверка связи»: ты вообще понимаешь, с кем разговариваешь?

Я понял, что заготовок на неё у меня нет. Ни одной эльфийской принцессы не хватает. Вся моя пиратская бравада, все книжные цитаты и рыночные шутки вдруг показались мелкими, как бумажные коробки 1С на стеллажах.

Слово вырвалось из горла, обойдя мозг, который лихорадочно листал каталог пустых обложек. Оно пришло откуда-то из солнечного сплетения, где хранились настоящие коды доступа:

— Галадриэль, — сказал я.

На секунду в комнате будто стало тихо. Или мне так показалось.

Это слово не было продуманным ходом. Не было пикапом, не было позой. Это было инстинктивное признание: такое имя я выдавал только тем, кому можно доверить кольцо — и заодно свою судьбу.

Наталья чуть склонила голову, словно рассматривая меня под другим углом. Уголки губ едва заметно дрогнули. Не в кокетливой улыбке — скорее в чем-то вроде: «интересный кадр, запишем».

Я же в тот момент был уверен, что просто удачно блеснул.Пират, который нашёл эффектное сравнение и красиво поставил точку в импровизированном спектакле.

Только потом стало понятно, что в этой сцене роли были распределены иначе.Я игрался в офисный карнавал, раздавая всем маски из Толкина, а она в один вопрос показала, что есть уровень, где все эти костюмы больше не работают.

Она отодвинула свой стакан и встала. И я понял, что спектакль окончен.

Здесь достаточно того, что прозвучало одно имя и кто-то, кроме меня, услышал его всерьёз.